

О. С. Качеревская, С. А. Валюлис

Литовский эдукологический университет
(Вильнюс, Литва)

С. ДОВЛАТОВ. ЦИКЛ РАССКАЗОВ «ЧЕМОДАН»: ОНТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ВЕЩЕЙ

В русском литературоведении конца XX – начала XXI века формируются новые возможности и принципы интерпретации текста, основанные на теориях диалога и текста М. М. Бахтина, на идеях системно-семантической организации художественного текста Ю. М. Лотмана. Дополнительные возможности интерпретации предлагает онтологическая поэтика. Исследователь Л. В. Карасёв в книге «Вещество литературы», выступая против теории «смерти автора», вводит понятие «текста-возможности», который существует «еще до момента, когда он впервые соприкасается с автором» (Карасёв 2001:20). Онтологически ориентированный подход к литературному произведению предполагает сотрудничество с текстом. В конечном счёте он наполняется энергией автора. Этот «энергичный» импульс Карасев называет «исходным смыслом». «Это, – отмечает он, – энергично-смысловая структура, которая может быть описана как нечто такое, что проходит через весь текст, не сводясь ни к сюжету, ни к стилю, ни к идее. Это не «про что» и не «как», а то, с «помощью чего» в тексте осуществляется и «что», и «как» (Карасёв 2001:20–21). Итак, исходный смысл – это онтологическое ожидание, сбывающееся в тексте.

Л. Карасёв формулирует и принципы онтологической поэтики: «<...> выбор наиболее эмблематичных ситуаций или эпизодов с целью выявления в них исходного смысла повествования для дальнейшего концептуального соединения их друг с другом» (Карасёв 2001:163–164).

Целью настоящей статьи является анализ онтологии и поэтики вещей в цикле рассказов С. Довлатова «Чемодан». Вещи в «Чемодане» являются центром, вокруг которого объединяются человек и вещи, особенности повествования, идейно-смысловая направленность текста. Опираясь на принципы онтологической поэтики, мы и должны установить, как вещи «Чемодана», создавая «исходный смысл», одновременно трансформируются и, меняя свой внешний облик, становятся составной частью художественного текста.

Рассказы цикла «Чемодан», за исключением «Куртки Фернана Леже», впервые появились в печати в 1985 году в журнале «Грани». К тому времени автор уже семь лет жил на Западе, в США. Но рассказы этого цикла, как и все, написанное Довлатовым, – об СССР. Название цикла рассказов и эпиграф, им предпосланный («Но и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне». А. Блок), обозначили направление движения авторской мысли. Показательна в этом смысле эволюция выбора названия для цикла рассказов: «Воспоминания, которые следовало бы назвать – от Маркса к Бродскому». Или, допустим – «Что я нашёл». Или, скажем, просто – «Чемодан»... (Довлатов 1993: II, 249).

Согласно Л. Карасёву, «обыкновенно онтологический слой укрыт, растворён в многочисленных деталях повествования, однако бывает и так, что его контуры выходят на поверхность текста, сказываясь даже в названии» (Карасёв 2001: 208). Название «Чемодан» и является у Довлатова носителем «исходного смысла», так как это центр, вокруг которого всё собирается, объединяется.

Тема чемодана возникает с самого начала повествования в связи с отъездом героя за границу. Министерством установлена норма – три чемодана. «Возражать не имело смысла. Но я, конечно, возразил:

- Три чемодана?! Как же быть с вещами?

- Например?

- Например, с моей коллекцией гоночных автомобилей?

- Продайте, - не вникая, откликнулась чиновница. Затем добавила, слегка нахмутив брови: - Если вы чем-то недовольны, пишите заявление» (Довлатов 1993: II, 247). Как видим, исходная ситуация абсурдна, а отношение героя к ней весьма иронично.

Но герою хватило и одного чемодана. Мотив дороги, пути, как сопутствующие слову «чемодан» смысловые коннотации, становятся структурообразующими. Это и реальные дороги, по которым ходит главный герой; дорога как предстоящий отъезд в Америку, некая проекция на ближайшее будущее; это и дорога воспоминаний – своеобразное путешествие в прошлое, на котором и строится весь цикл (дорога памяти как композиционный прием). Отметим, что память (воспоминания), воскрешающая прошлое героя-рассказчика, воссоздаёт не столько психологию его личной жизни, сколько социально-общественные сферы жизни. Поэтому можно сказать, что у писателя сильнее выражен не психологический, а онтологический аспект памяти. В повествовании воссоздаётся прошлая жизнь героя-рассказчика как факт

бытия. Ему предшествует итог, сформулированный в предисловии; безусловно, он связан с психологическими переживаниями и оценками. Именно поэтому расширяется символика пути, дороги, ассоциируясь с человеческой жизнью и судьбой. «Я оглядел пустой чемодан. На дне – Карл Маркс. На крышке – Бродский. А между ними – пропадающая, бесценная, единственная жизнь» (Довлатов 1993: II, 249).

Проанализируем символику итогового вывода о судьбе и жизни, что даст нам возможность определить «исходный смысл» всего цикла рассказов. «Пустота» чемодана, думается, символизирует первооснову всего сущего, которая заполняется разными формами человеческой жизни – это «бытийный горизонт», совмещающий материальный базис («на дне – Карл Маркс») и культуру («на крышке – Бродский»). Именно под их влиянием формируется жизненный путь человека. Итог собственной жизни героя беспощадно противоречив. Несомненно, жизнь для него является высшей ценностью («единственная жизнь»), но в то же время чувствуется горькая ирония по отношению к прожитому («пропадающая жизнь»). Примечательно, что восприятие жизни как неотменимого блага, цели («бесценная» жизнь) сопровождается иронией благодаря цепочке: «пропадающая, бесценная, единственная жизнь», так как прилагательное *бесценная*, по Далю, заключает в себе два смысла: неоценимый, дорогой, несравненный и малоценный, дешёвый. Однако ироническое отношение к жизненному бытию не отменяет идеи торжества жизни в творчестве Довлатова. Интересно, что метафизические размышления о сущности бытия отданы герою Фреду, «вещиству» и фарцовщику («Креповые финские носки»): «До нашего рождения – бездна. И после нашей смерти – бездна. Наша жизнь – лишь песчинка в равнодушном океане бесконечности» (Довлатов 1993: II, 253). Но если для Фреда смысл и благо жизни в обогащении и наслаждении, то герой-рассказчик требует от других и от себя действенного, утверждающего отношения к жизни. Однако и тут рассказчик ироничен: «Я чуть не крикнул Фреду: «Так совершали бы подвиги!» Но сдержался. Всё-таки я пил за его счёт» (Довлатов 1993: II, 253). Этот рассказ открывает цикл «Чемодан».

Для автора рассказов важна не фиксация отдельных вещей, а восприятие и осмысление обобщающих форм вещей, их символический смысл. Вещи оказываются одним из важных факторов в выяснении отношений между фактом бытия и метафизикой. Каждая отдельная вещь имеет свою собственную внутреннюю

суть, именно она является элементом структуры повествования. Названия всех рассказов (например, «Номенклатурные полуботинки», «Зимняя шапка, «Офицерский ремень» и т.д.) символически овеществлены. Так утверждается самодостаточность вещи, её суверенность и одновременно включённость в бытие человека и общества. Поэтому вещь является уменьшенным образом мира.

Набор вещей в «Чемодане» весьма примечателен. Это – носки, ботинки, костюм, ремень, куртка, рубашка, перчатки и шапка. В таком порядке, как они расположены у Довлатова, вещи словно воссоздают – снизу вверх – образ человека без самого человека, «иноформу» человека. От рассказа к рассказу, по мере развития сюжета, эта форма заполняется содержанием. Сделав точкой отсчёта вещи из чемодана, герой-повествователь даёт нам возможность увидеть эти вещи с новой и неожиданной точки зрения. Кроме того, этот набор, по закону «вещевого притяжения», втягивает в текст все новые и новые вещи, каждая из которых может раскрыть свою историю и историю страны.

На основе взаимодействия с вещами человек выстраивает эмпирические и познавательные отношения с миром. По Бахтину, именно личность и вещь (а не материальное – идеальное) являются последними пределами бытия и познания, между которыми располагается всё разнообразие феноменов жизни (см: Бахтин 1979: 324–343).

Вещи в «Чемодане» у Довлатова не случайны: во-первых, они фокусируют внимание на человеке, который, согласно традиции, берущей начало в античной философии, может рассматриваться как мера всех вещей; во-вторых, они для автора важны не с точки зрения своих природных качеств и прямого назначения (как элементы одежды). Они оцениваются с точки зрения воплощённой в них деятельности человека. Так подчёркивается в них онтологический смысл – бытие вещей в человеческом процессе. В художественном повествовании они приобретают у Довлатова знаковый, символический смысл. Вещи в «Чемодане» маркируют разные формы бытия: природная форма (креповые финские носки, зимняя (кроличья) шапка), общественно-социальная форма (номенклатурные ботинки, офицерский ремень, шофёрские перчатки); человек как форма бытия (приличный двубортный костюм); культура как форма бытия (куртка Фернана Леже). Так вещи обретают онтологический смысл, а «Чемодан», таким образом, можно рассматривать как интегральный образ бытия.

Вещи в цикле рассказов «Чемодан» составляют онтологическую основу «видимых» сюжетов и оформляют их логику. Структурообразующая роль вещей здесь, как правило, проявляется опосредованно. Так, ни куртка Фернана Леже, ни поплиновая рубашка, ни шоферские перчатки никак не функционируют в сюжетах одноименных рассказов. Но «встреча» с вещью включает механизмы памяти, организующей повествовательную ткань новелл. «Вещи имеют свою ауру, атмосферу. Они намертво срастаются с какой-нибудь ситуацией <...>, вызывая обвал воспоминаний» (Сухих 1996: 196). Это относится ко всем частям довластовского цикла.

Однако степень функциональности вещи в рамках конкретных рассказов может проявляться в большей или меньшей степени. В рассказе «Зимняя шапка» шапок оказывается две, и каждая из них функционирует по-разному. Одна лежит в эмигрантском чемодане и, подобно куртке, рубашке и перчаткам, дает своеобразный толчок к воспоминаниям. В самом рассказе она появляется только в конце. После драки с неизвестным «богатырем» ее обладателем становится Борис, брат рассказчика Довлатова: *«Боря отдышался и говорит:*

– Я ему дал по физиономии. И он мне дал по физиономии. У него свалилась шапка. И у меня свалилась шапка. Я смотрю – его шапка новее. Нагибаюсь, беру его шапку. А он, естественно, – мою. Я его изматерил. И он меня. На том и разошлись. А шапку эту я дарю тебе. Бери» (Довлатов 1993: II, 328).

Другая шапка, оставшаяся после финальной драки у неизвестного «богатыря», играет в рассказе роль сквозной детали. Все, что происходит в течение дня (покупка телевизора, посещение шашлычной, ресторана, бара и пр.), сопровождается передачей шапки: *«Заходя в очередной ресторан, Боря протягивал мне свою шапку. Когда мы оказывались на улице, я ему эту шапку с благодарностью возвращал»* (Довлатов 1993: II, 327).

Таким образом, «раздвоение» вещи свидетельствует о ее двойной функциональности: одна активна на уровне всей книги, другая – в рамках конкретного рассказа. Отметим, что в рассказах сборника Довлатов не сводит бытие вещей к сумме частных. Вещи – череда отражений истины, в данном случае жизненных этапов героя-рассказчика: студенчество, армия, работа в заводской многотиражке, в Пушкинском заповеднике, начало писательской деятельности, работа в редакции. Для него важным является вопрос о соотношении человека и данной ситуации его

бытия, а также необходимости выхода за пределы этой данности. Это и становится характеристикой бытия героя, которую он опосредованно формулирует как абсурд. Меняется поэтика вещи и её роль в повествовании.

Роль вещей в «Номенклатурных полуботинках» и «Приличном двубортном костюме» уже совершенно иная, они по-разному функционируют в композиции названных рассказов: в первом вещь организует кульминацию, во втором она функционирует на уровне завязки и развязки. Герой-рассказчик «Номенклатурных полуботинок» работает «в ДПИ (Комбинат декоративно-прикладного искусства)», который получает заказ «вырубить рельефное изображение Ломоносова для новой станции метро». Текст композиционно распадается на две части: первая – рассказ о работе над памятником, вторая – о торжественном открытии станции метро. «Программа открытия была такая. Сначала – небольшой банкет для избранных. Затем – короткий митинг. Вручение почетных грамот и наград. А дальше <...> – по интересам» (Довлатов 1993: II, 267). Однако во время банкета рассказчик крадет из-под стола ботинки мэра, изменяя этим продуманный ход событий. «Я передвинулся на край сиденья. Вытянул ногу. Нащупал ботинки мэра города и осторожно притянул к себе <...>. Затем нагнулся и сунул ботинки мэра в портфель» (Довлатов 1993: II, 249). Вслед за кульминацией следует стремительная развязка: чтобы не стать посмешищем, мэр симулирует недомогание, а рассказчик вместе со своими «учителями» уходит в «пивную на улице Чкалова».

В рассказе «Приличный двубортный костюм» функциональность вещи проявляется на уровне завязки и развязки. По предложению редактора газеты принимается «компромиссное решение»: если рассказчик подготовит «до Нового года три социально значимых материала», то редакция премирует его «скромным костюмом». Завязка определяет дальнейшее развитие сюжета – поиски Довлатовым-героем сначала узбека, потом народного умельца и в конце – многодетной матери. Они поочередно должны были стать героями его очерков, ни один из которых не состоялся. Однако, как замечает рассказчик, «костюм от редакции я получил». Случайное знакомство и общение со шведским журналистом вызывает к герою пристальный интерес со стороны КГБ. Майор Чилияев требует, чтобы Довлатов «непрерывно» пошел со шведом в Кировский театр.

«– Не могу, – говорю, – есть объективные причины.

– То есть?

– У меня нет костюма <...>.

– Почему же у Вас нет костюма? – спросил майор. Что за ерунда такая? Вы же работник солидной газеты.

– Зарабатываю мало, – ответил я» (Довлатов 1993: II, 282).

Реплика редактора знаменует собой развязку в истории появления вещи:

« – Я хочу раскрыть вам одну маленькую тайну. Как известно, приближаются новогодние торжества. Есть решение наградить товарища Довлатова ценным подарком. Через полчаса он может зайти в бухгалтерию. Потом заехать во Фрунзенский универмаг. Выбрать там подходящий костюм рублей за сто двадцать» (Довлатов 1993: II, 283).

Наиболее значимой функция вещи оказывается в «Креповых финских носках» и «Офицерском ремне». Здесь, как в гоголевской «Шинели» и «Тринадцати трубках» Эренбурга, вещи принадлежит структурообразующая роль. В экспозиции рассказа о носках Довлатов-герой знакомит читателей с ситуацией, в которой он оказался: любовь «стройной девушки в импортных туфлях» превратила героя в безнадежного должника. Желание выпутаться из этого положения и случайная встреча с Фредом Колесниковым делают Довлатова участником спекулятивной сделки. История покупки и неудавшейся продажи финских носков «жуткой гороховой расцветки» предопределила те ситуации, которые образуют повествовательную ткань всего рассказа. Герой встречает финок, поставляющих товар, едет с ними по указанному Фредом адресу; там всех встречает Рымарь. Сделка заключается после появления самого Фреда Колесникова. Однако реализовать товар участники этой сделки не успевают: «подлянка от социалистической экономики», когда вдруг оказывается, что все магазины «завалены креповыми носками», рушит все надежды. «Носки ... в результате поделили. Каждый из нас взял двести сорок пар» (Довлатов 1993: II, 259).

Происхождение каждой вещи в эмигрантском чемодане, как заметил в одном из писем сам автор, является «по идее <...> уникальным: фарцовка, кража, подарок <...>, театральные реквизиты и заграничная посылка» (Довлатов – Ефимов 2001: 348). Такой набор, несомненно, характеризует и самого рассказчика – балагура, порой неудачника, человека находчивого, не обделенного чувством юмора. Появление одних вещей связано со специфическими особенностями советской жизни (например, фарцовка в «Креповых носках»), других – с жизнью человека вообще. Однако все вещи довлатовского цикла историчны. Их появление в «Чемо-

дане» вписывается автором в контекст времени. Позднее это время назовут «эпохой застоя». Его атрибуты «рассыпаны» по всем рассказам цикла: погоня за импортными вещами («Финские креповые носки»), повсеместное воровство, запрограммированные показушные мероприятия («Номенклатурные полуботинки»), засилье «ленинианы» в разных ее проявлениях («Офицерский ремень», «Поплиновая рубашка»), пьяные загулы, дружеские компании («Куртка Фернана Леже», «Зимняя шапка»), журналистские компромиссы («Приличный двубортный костюм») и многое другое.

Итак, вещи способны транслировать человеческий опыт во времени и пространстве. «Чемодан» – фиксация не отдельных вещей, у которых есть своя логика. Вещи у Довлатова содержат в себе познавательный парадокс: с одной стороны, вещи определяют ситуацию познания (помещённость героя в ситуацию), а с другой – автор отмечает факторы и причины, выходящие за рамки ситуации (например, в «Офицерском ремне»). Бытийный статус событий в «Чемодане» связан с вещами. Однако сами события зачастую представлены анекдотически.

В первых рассказах «Чемодана» анекдотическое начало ощущается очень сильно. В «Номенклатурных полуботинках» черты анекдота представлены очень ярко: это фрагментарность сюжета, сжатость характеристик и описаний, неразработанность характеров, лаконизм и точность словесного выражения, ключевая композиционная роль микродиалога (см.: Тюпа, 1989, 16–19). Как и во всех довлатовских рассказах вообще, текст «Номенклатурных полуботинок» вырастает из наращивания микросюжетов, скрепляемых образом автора. Такой способ создания текста и мотив памяти как структурообразующий принцип определяют нелинейное развитие повествования. Рассказ о ботинках начинается с признания героя: *«Ботинки эти я практически украл»*. В подобной заявке уже ощутим эффект неожиданности. Далее, вслед за анекдотом из жизни Карамзина, следует целый ряд анекдотических ситуаций на тему воровства как феномена российской жизни. Сообщив, что, демобилизовавшись, он устраивается в ДПИ, рассказчик делает еще одно анекдотическое отступление на тему скульптурного казуса: во время торжественного открытия памятника Ленину обнаруживается, что *«несчастный скульптор изваял две кепки. Одна покрывала голову вождя. Другую Ленин сжимал в кулаке»* (Довлатов 1993: II, 262). Вовращаясь к фабуле повествования, Довлатов представляет своих учителей – Цыпина и Лихачева. Эти

персонажи подаются автором как фигуры общего анекдотического ряда: «Оба были мастерами своего дела и, разумеется, горькими пьяницами.

При этом Лихачев выпивал ежедневно, а Цыпин страдал хроническими запоями. Что не мешало Лихачеву изредка запивать, а Цыпину опохмеляться при каждом удобном случае» (Довлатов 1993: II, 263). Парадоксально-ироничное определение усекает эти характеры до шаржа, превращая персонажей именно в героев анекдота. Шаржированность персонажей еще больше усиливается в диалоге: «Лихачев <...> восклицал, резко поворачиваясь к любому случайному человеку:

«– Вот ты говоришь – капитализм, Америка, Европа! Частная собственность!.. У самого последнего чучмека – легковой автомобиль!.. А доллар, извиняюсь, все же падает!..

– Значит, есть куда падать, – весело откликнулся Цыпин, – уже неплохо. А твоему засранному рублю и падать некуда...» (Довлатов 1993: II, 263).

Героem анекдота является и сам рассказчик, выступая участником анекдотических ситуаций и диалогов.

Из курьезных частных постепенно складывается и анекдотическая картина мира. Однако анекдот для Довлатова не самоцель, он становится способом выявления абсурда окружающей жизни. Мысль в довлатовском повествовании движется от одного микроабсурда к другому, выявляя ироническое отношение рассказчика и к окружающему миру, и к самому себе.

В «Куртке Фернана Леже» анекдот функционирует уже только как элемент повествовательной структуры. Если исходить из шукшинской классификации, то это уже рассказ-судьба (как и «Поплиновая рубашка»). События здесь не локализованы в определенном времени и пространстве. «Куртка Фернана Леже» – рассказ о всей жизни. Уже первая фраза задает рефлексирующий тон всего дальнейшего повествования: «Эта глава – рассказ о принце и нищем» (Довлатов 1993: II, 295). В «Куртке» текст движется не от ситуации к ситуации, но от одной «банальной истины» к другой. «Я не жалею о пережитой бедности. Если верить Хемингуэю, бедность – незаменимая школа для писателя. Бедность делает человека зорким» (Довлатов 1993: II, 298), – к такому выводу приходит рассказчик, вспоминая детство. Однако собственный опыт бедности заставляет с горькой иронией заметить: «Любопытно, что Хемингуэй это понял, как только разбогател» (Довлатов 1993: II, 298).

В первом рассказе цикла повествование тоже вначале движется от одного вывода к другому, но сами выводы там анекдотичны: *«Большинство людей считает неразрешимыми те проблемы, решение которых мало их устраивает»; «Я убедился, что любая мысль влюбленного бедняка – преступна»; «Я заметил – когда человек влюблен и у него долги, то предметом разговоров становится его моральный облик»* (Довлатов 1993: II, 250–251). В «Куртке Фернана Леже» и «Поплиновой рубашке» герою открываются уже другие истины. Он размышляет о *«социальных инстинктах», «о нищете и богатстве», «о жалкой и ранимой человеческой душе»,* о жизни и судьбе.

Дистанцирование главного героя от этих вещей может быть понято как своеобразный протест против нивелирования личности, желание противопоставить себя всеобщему порядку, обезличивающему человека. С другой стороны, дорога воспоминаний превращается в дорогу, по которой человек и вещи «движутся» навстречу друг другу, вступают в диалог, в ходе которого вещь перерастает свою вещность и начинает действовать в духовном пространстве. Таким образом, характерологичность вещей проявляется не сразу, но рождается постепенно, от рассказа к рассказу. Вне всего цикла эта особенность проявляется неполно. Отдельный рассказ представлял бы лишь ненужную вещь, не более того. В контексте целого цикла такое восприятие существенно корректируется, потому что циклизация позволяет выявить внутренне содержательно-проблемные связи рассказов.

Исходный смысл, заданный в начале повествования (в *Предисловии*), связан у Довлатова с абсурдностью происходящего и в жизни страны, и в жизни героя. Его можно выразить словами *«бессмысленность», «отчаяние», «анекдотичность», «ироничность».* Порядок их следования не важен, поскольку каждое из этих слов обнаруживает свой смысл в соотношении с разными вещами «Чемодана». Вещи оказываются ненужными лишь на первый взгляд и лишь с потребительской точки зрения. Однако рассказчик когда-то забрал этот чемодан с одеждой в эмиграцию, смутно ощущая его необходимость. Теперь его отношение к вещам характеризует не потребительский, собственнический, владельческий интерес, но то *«бескорыстное внимание, которое свидетельствует о выходе на осознание свершившегося прорыва в сферу духа. На этой грани высший долг, высшее бескорыстие ... в том, чтобы когда ни сама вещь, ни кто-либо иной не ждет возвращения долга, все-таки бросить взгляд должника на теперь*

уже ... душевно близкую вещь» (Топоров, 1995, 28). Возможность такой беседы с вещью свидетельствует об этом возвращении долга и о перемене в самом человеке. Поэтому от рассказа к рассказу накапливаются, усиливаются грусть и тоска, растворяя анекдотический «скелет» последних рассказов.

Таким образом, Довлатов утверждает, что человек существует не в отдельных актах со-бытия с людьми и вещами, а в последовательностях, переплетениях таких актов. Ему постоянно приходится переходить от отдельных вещей к их сцеплениям и тем самым «включаться» в системы и таких взаимосвязей, которые ему непосредственно не даны. Это и определяет онтологическое присутствие человека в мире, его отношения с бытием.

В художественном мире «Чемодана» именно вещь репрезентирует судьбу героя повествования, ибо она является знаком культурно-исторической эпохи и одновременно личностных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- Довлатов С. Собрание прозы в 3-х тт. / С. Довлатов. – Т. 2. – Санкт-Петербург: ЛимбусПресс, 1993.
- Довлатов Сергей – Ефимов Игорь. Эпистолярный роман / Сергей Довлатов, Игорь Ефимов. – Москва: Захаров, 2001. – 464 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979.
- Карасёв Л. В. Вещество литературы / Л. В. Карасёв. – Москва: Языки славянской культуры, 2001.
- Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Сухих – Санкт-Петербург: КультИнформПресс, 1996. – 384 с.
- Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Топоров – Москва: Издательская группа Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
- Тюпа В. Художественность чеховского рассказа / В. Тюпа – Москва: Высшая школа, 1989. – 133 с.

A Cycle of Short Stories 'The Luggage' by S. Dovlatov: Ontology and Poetics of the Things

Summary

The article points out that the things in 'The Luggage' are multifunctional as S. Dovlatov concentrates not only on ontology of the things but also places his focus on perception and contemplation over generalizing features of the things as well as their symbolic character in a literary text.

Things become an element of the narrative structure and make the ontological core of the 'visible' plots of the short stories. In parallel with that, empirical and cognitive relations between the world and the character are built on the character's interrelation with the things. The character ironically treats the absurdity of the social and public life.

Ontological poetics helps to define the way how, already being identified in the title 'The Luggage', the 'initial meaning' obtains semantic value in literary text of the short stories.

Keywords: *Dovlatov, 'The Luggage', things, a short story, ontological poetics, initial meaning.*